

СБОРНИК РАССКАЗОВ

16+

ПРЕВРАЩЕНИЕ

**Сергей Игоревич Пахомов
Анна Леонидовна Летягина
Олег Фёдорович Силантьев
Владимир Александрович Вед
Кристина Андреевна Белозерцева
Виктория Леонидовна Камалова
Злата Геннадьевна Шаховская
Сергей Николаевич Плотников**

**Превращение.
Сборник рассказов**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47184139
SelfPub; 2019*

Аннотация

Восемь человек встретились на просторах интернета. Встретились в рамках конкурса "Пишем роман" в группе ЛитО "Щеглы". Мы разные: и по жизненному опыту, и по отношению к окружающей нас действительности, и по своей философии. Но нас объединяет одно – любовь к литературному творчеству и желание подарить людям частичку своей души. Так появился наш совместный проект – литературная кают-

компания. Предлагаемый вашему вниманию сборник – результат наших общих усилий. Символ "превращение" выбран не просто так. Случайная встреча превратилась в дружбу. Рассказы представлены в авторской редакции.

Содержание

От авторов	6
Колобок	9
Очень низкое фэнтези	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Для подготовки обложки использован рисунок «Парусник» работы художника Яны Кочевой, дизайн обложки – Олег Силантьев.

От авторов

Утро сменяется днем, ночью и снова утром. И так по кругу бежит время. Оно незаметно влияет на каждого из нас, изменяя города, страны и даже континенты. Встает солнце, прогревая землю теплыми лучами света, и все вокруг оживает разом – раскрываются бутоны цветов, просыпаются птицы, животные и насекомые. Дрожат листья на ветру. Раскачиваются колосья пшеницы в необъятном поле. А по небу плывут причудливые облака. Каждый миг нашей жизни наполнен волшебством. Чтобы заметить превращение достаточно научиться смотреть. Времена года, как жизнь человека от младенчества до глубокой старости. Весна – первый вздох, робкие шаги и милые проделки ребенка. Лето – рост и взросление: юноша становится мужчиной, девочка – женщиной. Осень полна мудрости. Ее яркие цвета наполнены пониманием жизни, а иногда, сожалением об ушедшем времени. Зима – это конечная станция. У каждого она своя! Проживая год за годом в придуманной нашим сознанием реальности, мы, порой, перестаем замечать, насколько прекрасен мир вокруг. И искренне удивляемся, обнаружив изменения в себе. Превращение в наших головах, в наших мыслях, имя ему – фантазия. Художественная литература позволяет читателю расправить крылья и воспарить над пресной обыденностью.

Увлекаемый полетом фантазии автора, читатель переживает муки творчества художника, слепую любовь матери, самоотверженное мужество отца. Книга дает возможность испытать новые чувства и эмоции, и по-другому взглянуть на себя и окружающий мир. Увидеть всё разнообразие жизни.

Есть люди, которые боятся каких-либо изменений. Они живут, как человек в футляре, как улитки в своей раковине. Но они тоже превращаются. Пусть и помимо своей воли, они превращаются в скучных и неинтересных Гобсеков трясущихся над покрытыми плесенью эмоциями. Но иногда изменение и превращение может стать самоцелью. Майкл Джексон так изменил себя, что превратился из чернокожего в бледнолицего. Божественное пение, и пугающий внешний вид. Но пение так красиво, что хочется подпевать -

Я начинаю с человека в зеркале,

Я прошу его изменить свое поведение.

И нет фразы, которая бы звучала точнее:

Если ты хочешь, чтобы мир вокруг стал лучше,

Взгляни на себя и начни меняться сам.

КРИСТИНА

БЕЛОЗЕРЦЕВА

Колобок

Майор Игорь Васильевич Страхов, позывной для связи – Старик, с ненавистью смотрел на начальника научной станции. Когда-то он еще пытался скрывать свои чувства, но сероглазой блондинке было настолько плевать на его реакцию, что прятаться стало бессмысленно. «Испытывает она сама хоть что-то? – спрашивал себя иногда Старик. – Или под этим прилизанным пучком на самом деле микросхемы, вместо нормального человеческого разума?»

– Мария Сергеевна, – хрипло осведомился он во второй раз, – где Колобок?

Начальник научной станции, светило генетики, позывной для связи – Старуха, на миг бросила взгляд на своего охранника, оторвавшись от монитора, и за стеклами узких дорогих очков сверкнуло раздражение. Как сверкнуло, так и кануло в глубину глаз, ставших опять совершенно равнодушными. Как у змеи, право слово.

– С каких пор вас интересует Колобок, товарищ майор? – полюбопытствовала она, снова вернувшись к своему неведомому отчету. – Не вы ли величали его «наш ужин»?

Старик не выругался. Сдержался. Годы исполнения приказов...

– Вы создали в лаборатории органическую форму жиз-

ни из зерна, определенного как наш рацион, более того, вам взбрело в голову сделать его разумным!

Старуха принялась машинально барабанить ногтями по столешнице, Страхов дурел от этого звука. Она – без сомнения, величайший ум нашего столетия – затребовала себе лабораторию «где бы ее никто не беспокоил» – на необитаемой планете, а из сопровождения допустила одного, сменяющегося раз в год охранника. «Чтобы никто не мешался». Старик торчал здесь уже семь месяцев, и каждый прожитый миг был наполнен постукиванием, щелканьем, поскребыванием, скрипом – о! как он мечтал о тишине.

А с недавних пор он мечтал и еще кое о чем. Как схватит эту стерву за волосы, вставит ей в рот ствол глока и будет нажимать на спусковой крючок, пока не раздадутся бессильные холостые щелчки. Старухе было наплевать.

– Я сделала его разумным... – эхом повторила она. – Это был эксперимент, и заметьте, удачный... Разумное существо, созданное на основе растительного материала, с вживлением искусственной нервной системы... Прорыв...

– Что значит – «был»? – чуть не заорал Старик.

Блондинка вздохнула, снова подняла глаза на собеседника и выбрала тон, каким говорят с самыми глупыми лошадьми на конюшне.

– Я оставила открытым окно, мне нужно было изучить его способность познавать новое и принимать решения в стрессовых для него ситуациях.

– Надо его найти, – уяснив суть, майор не желал продолжать тратить время на разговор со стервой, от которой его с души воротило.

– Я отправила квадрокоптер следить за ним, – и снова буквы, цифры и графики интересовали ее куда больше, чем человек напротив. Человек, который должен был ее охранять. Человек, обладающий оружием, в конце-то концов. И которого Мария Сергеевна ни в грош не ставила. Он был для нее чем-то вроде назойливой, говорящей мебели.

– И?!

– И он отправился в лес.

Старик чуть успокоился. В начале их пребывания здесь Старуха баловалась сочетанием генетики и вивисекции, создав целую толпу совершенно разумных животных, обладавших, ко всему, речью. Майор пришел в ужас, увидев однажды свою начальницу с интересом наблюдающую, как разумный волк догнал и разорвал такого же разумного молодого кабанчика, пока тот умолял его пощадить.

Из этого случая получился очередной грант, кстати, но Страхов, в отличие от этой стервы, сохранял человечность. Он принялся возиться с животными, заставив их под угрозой винтовки, принять одно нехитрое правило.

Правило №1.

Табу. Разумный не ест разумного. Никогда.

Постепенно жизнь в лесу нормализовалась, правда те-

перь, перед тем, как впиться клыками в добычу, хищник был вынужден сказать что-то вроде «я тебя съем», а получив разумный ответ – отпустить жертву и искать новую. Все-таки, обычных животных было куда больше, и серьезной проблемы с прокормом не возникло. В любом случае, раз уж Колобок умел говорить, в лесу недалеко от лаборатории его не должны тронуть.

– И где он сейчас?

– Сначала он встретил Зайца, – соблаговолила продолжить пояснения Старуха, – Колобок заговорил, и Заяц его не тронул. Твое правило №1 в действии.

– Это – нужное правило!

Старик тем временем вспомнил Зайца: серый вечно заискивающий ком меха, пристрастившийся к табачным листьям.

От нечего делать майор принялся высаживать возле лаборатории грядку с табаком – на махорку для трубки, а Заяц прибежал, садился в паре метров и преданно заглядывал в глаза, выпрашивая подарок, хорошо, хоть не воровал тайком, не решался. Старик срезал несколько листьев, и Заяц, поблагодарив, исчезал. Правда, последнее время прибегать он стал чаще... Может, кого из родственников посадил на табак? Надо бы разузнать...

– Потом он столкнулся с Волком, – прервала воспоминания майора Старуха, – и к сожалению, абсолютно такой же сценарий поведения. Ничего нового. Колобка опознали как

разумного и отпустили.

Волк был угрюм и был одиночкой. Старик старался лишний раз не заходить на его территорию, а когда заходил, обязательно предупреждал хозяина о своем визите прямо от границы – старого поваленного дерева. И вовсе не потому, что боялся. Когда Старуха заканчивала снимать с Волка показатели, еще здесь в лаборатории, перед тем, как отпустить его в лес, Старик поймал взгляд зверя: внимательный, выжидающий... Примеривающийся – вот правильное слово. Волк ненавидел эту блондинку за то, что она с ним сделала, и просто запоминал, как высоко от пола находится ее горло, чтобы однажды улучшить момент, подкрасться, и... Почувствовав, что на него смотрят, хищник уставился в ответ на Старика и замер, заметив во взгляде человека отголоски тех же чувств. Да, похоже, они оба хотели убить бесчувственную стерву. Миг острого взаимопонимания, и все закончилось: оба отвели глаза.

С тех пор человек и зверь уважали друг друга, хоть и старались избегать.

– Ну и потом конечно ваш друг явился посмотреть, что за новенький. Вы знаете, мне кажется, Медведь помешан на контроле, не замечали?

– Ему приходится хоть как-то управлять нашим зоопарком, – буркнул майор, защищая друга, – споры решать. Конечно, он должен быть в курсе.

– В общем, все еще раз повторилось.

– Так, где все-таки Колобок? Вы хотите рассказывать мне эту историю до поздней ночи?

Медведь стал в лесу главным не только из-за своей силы, и отнюдь не из-за свирепости. Коричневая мохнатая туша оказалась на удивление мудрой и ответственной, добровольно взвалив на себя роль мирового судьи. Старик иногда, чувствуя, что вот-вот сорвет клапан, уходил от греха подальше в лес, и тогда они с Топтыгиным сидели подолгу на берегу ручья, человек выговаривался, зверь слушал и сочувствовал.

– О! А вот дальше было интересно, знаете ли. Необычный паттерн поведения, – продолжала между тем Старуха, – помнишь Лису? Мой шедевр?

Майор похолодел. Если и был кто-то на этой планете, от кого Старика воротило больше, чем от Старухи, так это была Лиса.

Хитрая, вкрадчивая, приторно-сладкая в общении, научившаяся растягивать черногубый рот, подражая людям и изображая улыбку. Выдавали ее только зрачки размером с булавочную головку: шедевр Старухи – непредсказуемое животное-психопат. Майор в глубине души опасался ее, ожидая в любой момент своих прогулок по лесу подлости или жестокой шутки.

– Что она сделала?! – потребовал он ответ, пытаясь не кричать на непосредственного начальника.

– А вот это уже было интересно. Она стала глухой.

– Что?!

— Забралась в речку, чтобы ей в уши вода после купания попала, и слышно было плохо. Думаю, она это придумала, пока наблюдала, как Колобок с остальными знакомился.

– И?!

– Что – «и»? – теперь раздражение металлом сквозило уже в голосе. – Лиса с заложенными ушами не услышала от него разумного ответа, подозвала его поближе – и все равно не услышала, поэтому могла не подчиняться вашему Правилу №1. Очень интересно. Похоже, женский разум действительно более адаптивен к ситуации, более изобретателен. Я не ожидала, что она сможет придумать нечто новое. Обойти правила.

– Она его сожрала?!

– Употребила в пищу. Вы не поняли, что я сказала, с первого раза?

Старик пораженно смотрел на Старуху, сдерживая рвущийся из глотки мат.

– Он был разумен, – тихо проговорил мужчина, наконец.

– Я проделала с его помощью все запланированные исследования. Считайте это утилизацией.

– Утилизацией?! Он был разумный! А ты?! Ты сидела за этим своим монитором?! И наблюдала, как живое существо, тобой же созданное, жрут заживо?! Ты вообще – нормальная?!

Он не понял, как перешел на «ты», не понял, как вскочил на ноги, сжав от ярости кулаки, и тем более, как начал орать

на всю лабораторию.

– Я – ученый, генетик, – с достоинством проговорила Старуха, брезгливо поджимая губы, – а вы, товарищ майор, забываетесь. Проверьте все квадрокоптеры с камерами. У нас с вами в ближайшие дни будет масса работы.

– Почему? – только и спросил Старик.

– Игорь Васильевич, – она впервые назвала его по имени, – у нас с вами примитивная община, в которой только что прямо нарушили основное табу. Насколько я помню «психологию примитивных социальных структур», за этим последует еще одно нарушение, или два, а потом это явление приобретет массовый характер. Я должна записать все события, найти связь с созданными мной психологическими особенностями конкретных объектов и построить модель.

– Но в лесу начнется резня...

– Эксперимент, Игорь Васильевич. Важный для науки эксперимент.

– Но погибнет много... – Старик осекся, чуть не выпалив «людей».

– Это – не люди, – жестко прервала его Старуха, – это – образцы. Можете считать происходящие события – утилизацией. Вам же не приходило в голову такое безумие, как оставить на планете разумных животных, когда мы улетим?

На миг перед глазами Старика встала добродушная морда Медведя, с карими, все понимающими глазами...

Поздно вечером Старик и Медведь сидели на берегу ручья. Старик пил разведенный водой лабораторный спирт, рассказывая Медведю о Колобке – все, что мог вспомнить, а тот слушал, кивал и сочувствовал, а иногда неуклюже пытался похлопать друга лапой по плечу, пару раз едва не свалив того в воду.

– В общем, гхм... думал я, думал, – проговорил Топтыгин, заполняя наступившую в импровизированных поминках паузу, – нельзя допустить хаос. Лису будем судить, а потом казним. Разумный не может есть разумного. Если кто-то начнет сомневаться... Крови будет много...

Старик кивнул, чувствуя, как очередная порция спирта обожгла ему горло.

– Поможешь? Винтовка, и... Гхм... Я подумал...

– Помогу.

Тут Медведь наконец прямо и пристально посмотрел в глаза другу и задал вопрос, волнующий его больше всего.

– Старуха же в курсе? Это же все – ее затея?

– Ага.

– Бабы... – вздохнул зверь.

– Бабы.

– И как она отреагирует на наше... гхм... решение? С Лисой?

– А уже никак, – беззаботно отозвался Старик, впервые за несколько месяцев чувствуя, что ему наконец-то становится лучше, – Лиса – твоя проблема, а Старуха – моя.

– Иди ты! – вскинулся Топтыгин, шерсть на котором вмиг встала дыбом, а карие глаза засверкали. – Расскажи!

Старик широко, до боли в щеках ухмыльнулся, глядя на Медведя.

– Я нажимал на спусковой крючок, друг, пока не раздались бессильные холостые щелчки...

ВЛАДИМИР ВЕД

Родился и проживаю в маленьком подмосковном городе Электросталь. С детства любимыми занятиями были чтение и придумывание историй. Из-за болезни несколько лет не мог ходить, и книги дали возможность путешествовать, участвовать в приключениях и переживать эмоции вместе с героями. Попробовал писать сам. Когда понял, что начало получаться - стал учиться.

Сейчас продолжаю постигать тонкости литературного мастерства и работаю над романом в жанрах young adult и мистический реализм. Надеюсь, что роман поможет детям с проблемами со

Очень низкое фэнтези

Волна оказалась упругой, словно бок вынырнувшего морского чудовища. Пальца оглушило, завертело, увлекло в пучину, а потом выбросило на поверхность, и сразу же вместо подводного гула он различил крики спасающихся. По ушам резко ударили звуки хлопков вёсел.

Его швырнуло на отмель, руки погрузились в вязкую кашу из солёной воды и песка. Впереди глазами ночного хищника горели костры ложного маяка.

Низенькие и неуклюжие шлюпки с фонарями на носах прорезали дождь и пену прибоя.

Пальца подбросило, развернуло, потащило в глубину, солёная до горечи вода наполнила ноздри. Люди в шлюпках не собирались спасать пассажиров севшего на мель «Кальмара» – их интересовало содержимое трюмов.

Раскуроченный взрывом борт «Кальмара» зиял рваной раной, из которой вытекала не кровь, а чаяния Пальца на Домик-возле-холма. Упакованные в промасленную кожу и увязанные арбалеты, корзины со стрелами, запасные ложи и приклады перекочевали в плоскодонки. Похитители уплыли, не обращая внимания на взывающих к их милосердию несчастных.

Несколько тюков порвались, и на волнах качались дере-

вянные игрушки, вырезанные Пальцем для продажи. Не самые дорогие вещицы, но делал он их дольше прикладов и рукоятей ножей. И только в них вложил любовь. Похожие и детям своим, Белочке и Мизинчику, смастерил. Резные свистульки: соловушки, солдатики, куколки...

Палец нырнул под волну, глотнул воды, вынырнул на несколько футов ближе к игрушкам, которые ветер и волны растаскивали по заливу. Начал собирать, рискуя захлебнуться. Три поделки удалось сунуть за пазуху, под шерстяную ткань куртки.

Кругом кричали. Совсем рядом ругательства сменились воплями отчаяния.

– Нога! Плыть не могу! Тону!

Палец обернулся. Мокрые волосы выбились из хвоста, хлестнули по лицу. Ледяные иглы дождя пришивали низкое свинцовое небо к беснующемуся морю. Всего в паре футов молотил руками по воде и едва удерживал лицо над поверхностью эльфа.

Палец вздохнул обречённо и поднырнул под руку эльфа.

– Не хватайся за волосы – утопишь обоих! – заорал он паникующему остроухому.

Церемониться с эльфом Палец не собирался – из-за него пришлось пожертвовать ещё двумя-тремя игрушками, до которых он мог бы дотянуться.

Выбрались все. Бухту пираты выбрали неслучайно. Мелководье и острые пики подводных скал – настоящий капкан для кораблей. Могли не стараться взрывать борт алхимией: скалы пропороли бы обшивку, как клыки волка – шкуру ягнёнка.

Палец оплакивал свой годичный труд, пока почти тащил на себе эльфа к кострам. Смешной эта картина, наверное, виделась остальным пассажирам: долговязый, изящный до хрупкости эльф, красивый даже с разбитым о скалы носом, и полурослик, коротконогий и уродливый, едва ли не по пояс прекрасному элфу. Только смеяться несчастным, потерявшим груз, пожитки и едва не утонувшим, людям, эльфам, гномам и полурослику, с товарами которого в море уплывала возможность выкупить Домик-возле-холма, не хотелось.

По иронии судьбы их спасли те же самые костры, которые едва не погубили. Пираты разожгли огни на две мили восточнее бухты Хваншита. Сделали ложный маяк. Даже опытный капитан «Кальмара» купился. В такую-то бурю. И на старуху бывает проруха. Палец это понимал, все пассажиры понимали. Только капитан не хотел и не мог понять. Он сидел на песке, обхватив седую голову руками. Длинные усы болтались, словно у сдохшего на берегу сома.

Палец не лез с утешениями. Кто будет слушать утешения половинчика? Кто их вообще слушает, безмолвных слуг и подмастерьев? Работящих и неприхотливых: половина жало-

вания, половина пайка, половина матраца. Два полурослика по цене одного человека.

Да и что Палец сказал бы капитану? «Держись, мужик. Держись. Ты остался без корабля, а я без дома. Тебе не на чем плавать, а мне, моей жене и двум маленьким, да что уж там, половинчатым детям негде будет прятаться от снега и холода зимой».

Палец протянул красные, покрытые цыпками от холодной воды руки к огню. Тепло костра согревало его короткие толстые пальцы с маленькими ногтями. Эти пальцы только и умели, что обращаться с ножом, которым он целый год работал с деревом, готовил товар для Осенней Ярмарки в Хвантише.

Стража Хвантиша появилась тогда, когда её не ждали. Уже перестали ждать. Палец в это время бродил по берегу, искал среди водорослей и камней хоть что-то ценное. Весь товар был или увезён пиратами, или сгинул в солёном, как слёзы, море.

Его подозвали небрежным жестом. Палец подошёл к кучке товарищей по кораблекрушению, вокруг которых широким полукругом стоял десяток стражников. Сержант в доспехах с тремя позолоченными полосами и красивым плюмажем на шлеме вальяжно выставил вперёд ногу и опёрся

рукой на эфес меча на поясе.

Ленивый взгляд сержанта, которым тот ощупывал одежду путников, проверяя дороговизну материала, и скользил по поясам в поисках оружия, о многом говорил Пальцу. Расстановка остальных стражников лишь подтвердила его догадку: их пришли не спасать, а арестовывать.

Потерпевшие кораблекрушение рассказывали сержанту о событиях ночи, перебивали друг друга, горячились, сбивались. Сержант слушал, постукивая пальцами в перчатке по эфесу. Не выдержали двое гномов. Гномы всегда взрываются первыми – Палец это знал. Стали кричать, требуя немедленно собрать все суда береговой охраны и плыть на поиски пиратов. Молодая эльфийка, чарам красоты которой на «Кальмаре» не поддался один только Палец, возмущённо поддерживала гномов. Что ещё способно сплотить гномов и эльфов, кроме упущенной выгоды?

Сержант поднял руку, требуя тишины.

– Интересная история, друзья. Весьма занятная. Её будет любопытно выслушать прево и Торговому союзу. Эта бухта носит название «Укромная». Да вам должно быть это известно не хуже, чем мне. Сюда приплывают контрабандисты.

Ему пришлось вновь пресечь нарастающий гул голосов. Палец пробежался взглядом по лицам спасшихся с «Кальмара». На капитана было жалко смотреть.

– У вас нет разрешения Торгового союза на фрахт.

Палец уже знал, чем закончится разговор со стражника-

ми. Он не всегда работал на ферме в глубинке под Кенто-Широм. Его прежний хозяин промышлял в столице. При мысли о прошлом хозяине Пальца передёрнуло, и невольно сжались кулаки. Он боялся только двух вещей: что Белочка и Мизинчик окажутся зимой без крыши над головой и своего прежнего хозяина. Даже спустя пять лет этот страх не прошёл.

Перед мысленным взором Пальца всплыло узкое смуглое лицо с тонким клочком козлиной бородки. Пронзительные светло-серые глаза – такие светлые, что радужки почти сливались с белками.

Палец задумался и прослушал и речь сержанта, и разноголосые попытки спорить и оправдываться. Прослушал, но исход был ему и так известен.

По примеру капитана, не сводившего глаз с севшего на рифы и завалившегося набок корабля, Палец бросил последний взгляд на судно, которое всего две недели назад приняло на борт его, полного радостных надежд, с пятью корзинами и двумя мешками изделий из дерева.

Чёрный остов на фоне голубого неба. Неба, которое не помнило вчерашний шторм.

Кому-то более требовательному или изнеженному камера показала бы гнилой дырой в зубе дохлого великана, а

Пальцу – просто неуютной каморкой. Он жил и на продуваемых чердаках, и в подвалах с покрытыми инеем стенами, и в хлеву, устраиваясь под яслями, согреваясь дыханием жующих сено овец и коров. В камере несколько раз тоже оказываться приходилось.

Палец огляделся. С потолка капало, а в углу сочилась влага, поблёскивая в падающем из крошечного оконца свете. В другом углу на куче тряпья сидел тощий старикан с длинной, почти седой бородой. Из рваной одежды торчали костлявые руки и ноги. Старик рассматривал новенького блестящими глазами безумца. Палец поспешил к желобку с влагой. Смочил руку, обнюхал. Вода как вода, никаких посторонних запахов. Вкус тоже не насторожил. Палец подождал, пока капли воды наполнят сложенную лодочкой ладонь, выпил жадно. После кораблекрушения он не пил и не ел почти сутки.

Без еды доводилось обходиться почти неделю – и не один раз. К этому Палец привык, а пить хотелось так, что язык казался шершавым и не помещался в пересохшем, как колодец в пустыне, рту. Утолив жажду, он внимательнее рассмотрел сокамерника. Тот не поменял позы. Всё так же сидел, обхватив согнутые колени измождёнными руками и упёршись в них подбородком. Зрачки бегали, похожие на двух снующих по оконному стеклу мух. Полурослик видел в полумраке лучше любого из людей, хотя не так хорошо, как скальные гномы или дроу. До дроу половинчикам было далеко во всём, кроме, пожалуй, ловкости. Благодаря миниатюрности

и подвижности, которой могли бы позавидовать юркие лесные зверьки, полурослики были самой ловкой расой Завалда. Ловкие, терпеливые, неприхотливые, молчаливые – идеальные исполнители. Слуги и подмастерья.

Сесть, кроме как на холодные и влажные камни пола, было некуда. Палец предпочёл постоять.

До самого вечера старик и Палец не сказали друг другу ни слова. Даже когда сквозь прутья решётки стражник протиснул деревянную плоску с чем-то жидким, остро пахнущим несвежей бараниной. Только одну плоску. Старик резво на четвереньках подполз к ней и в несколько глотков опорожнил, сунул обратно в коридор. Потом попятился на свою лежанку. И опять устался на Пальца, пережёвывая то, что плавало недавно в жидком бульоне.

– За что здесь? – просипел старик, расправившись с тем, что тюремные повара ошибочно считали съестным. – Украл несколько горошин с хозяйского стола? Заснул на салфетках в ящике господского посудного шкафа?

– Приняли за контрабандиста, – ответил Палец после недолгих раздумий.

Он никогда не был разговорчивым парнем, а тут, в тюремных застенках, каждое слово стоило взвесить несколько раз, прежде чем произносить. Взвесить, а потом перевесить ещё раз. Но он решил, что поговорить сейчас стоит. Старик мог дать информацию, которой Палец не обладал.

– Приняли? – хохотнул старик, словно заклокотал ин-

дюк. – По ошибке, говоришь?

Он снова забулькал смехом, как будто горло прополоскал.

Сиплый его голос звучал фальшиво. Палец подумал, что сокамерник мог оказаться стукачом, и тогда цена каждого слова возрастала ещё в несколько раз. Пальца удивляло то, что кроме него ни одного пассажира «Кальмара» не бросили в камеру. Хотя в этой тюрьме таких камер могло быть столько, что на всех хватит.

– Пираты заманили в Укромную бухту. Разожгли костры на скалах. Был шторм, судёнышко едва не потонуло. Одного матроса и пьяного гнома смыло за борт. Капитан принял огни костров за маяк. Причалил.

– А там вас, бултыхающихся в водичке среди рифов, и спеленали? – радостно продолжил допрос Пальца старик. – Как детей?

– Именно так, – подтвердил Палец.

– И все товары забрали? – Дед, казалось, был в восторге.

Палец кивнул.

– Тогда всё отлично будет, – успокоил его старик. – Поднимут бумаги в Торговом союзе, союз и купцы с капитаном выплатят друг другу компенсации по договорам и отпустят тебя и остальных по домам.

Он жадно подался вперёд, всматриваясь в Пальца.

– Или договора с Торговым союзом не было?

Вновь раздалось бульканье. Старик наслаждался ситуацией.

– Тогда, огрызок, привыкай к камере. Она долго будет твоим домом. И расстанешься ты с ней неохотно. Потому что отсюда – прямо на каторгу, в Выземские шахты.

Пальцу пришлось и посидеть на камнях, и даже поспать. Его не вызвали на допрос ни вечером, ни на следующий день. Не принесли тюфяк и ни разу не покормили.

Старик, словно находя в этом единственное развлечение, пугал Пальца ужасами каторги и рассказывал случаи строгого суда над контрабандистами, прослыть которыми сейчас было проще простого. Достаточно на самой утлой рыбацкой плоскодонке пристать к берегу там, где корона и Торговый союз не разместили таможенный пост.

– И всё это оттого, что покойный папаша короля детей делал, словно икру метал! Одних законных принцев и принцессок настругал десяток. Хорошо ещё для страны, что большая часть в детстве померли – на всех бы герцогств не набрали.

Старик откинулся на стену, поджал колени. Палец сидел в углу на корточках, слушал сокамерника и крутил деревянную пуговицу. Его руки привыкли быть занятыми работой. Привыкли держать что-то: черенок стамески, топорище, рукоять ножа. В последнее время нож был только столярным.

– Так вот, братушки нонешнего короля захотели куски по-

больше от короны оторвать. И организовали Лигу нравственности. Знаешь, из-за чего?

Старик взглянул на Пальца так, словно схватил за воротник и потряс, требуя ответа. Пальца это неприятно удивило. Давно уже никто не смотрел на него так, с такой силой во взгляде. Но эти чёрные бегающие глаза ничем не походили на другие, холодные в своей стальной серости.

Не ответить Палец не смог.

– Из-за фаворитов, – выдавил он. – Из-за Вáллета.

Одно это признание могли счесть государственной изменой. Оскорбление личности короля – по сути, измена. Рот старались не открывать, но за закрытыми дверями часто обсуждали короля, утопающего в вине и окружённого мужеложцами и проститутками с титулами.

– Из-за него, кормильца. Я его видел однажды. Гарцевал в свите короля. Красивенький, словно девица.

Помолчали.

– Народ – кто короля поддерживает: мол, законная власть, от богов, а кто и брата его, Гэнцорга с Лигой.

– А Торговый союз? – решился Палец на вопрос.

– А Торговый союз сейчас – сила! Деньги. Недаром Гэнцорг и Лига стараются его на свою сторону перетянуть. Предлагают полный контроль над колониями. А пока...

– А пока союз подчинён королю, обвинят в контрабанде в пользу Лиги, если не договориться с капитаном и купцами.

– Смышлёный ты парень! – одобрил старик, прополоскав

смехом горло. — Очень тебе пригодится твоя смышлённость в шахте шириной с кротовую нору, где даже тебе придётся на глубине футов в триста работать стоя на коленях.

Стражник сдвинул шлем на лоб и почесал затылок.

— Тут ещё полурослик, оказывается, — сообщил он второму стражнику, который остался снаружи камеры. — Когда его сюда сунули?

— Да плевать на него, — голос второго звучал устало и недовольно. — Что теперь делать? Камера на двоих.

— Огрызок не в счёт. Давай сюда нового арестанта, — махнул рукой первый и хохотнул. — А в ужин две с половиной пайки закинем.

В камеру, подгоняя пинком, впихнули крепкого невысокого мужчину с синяками и царапинами на лице. Он оглядел камеру, соседей, ухмыльнулся.

— Веди себя хорошо, Бомми, — изображая заботливую бабушку, сказал ему стражник. — И нам не придётся наказывать тебя ещё раз.

Названный Бомми мужик скривился, изобразил угодливую улыбку, потрогал налитый кровью и похожий на крупную сливу ушиб под глазом.

Решётка лязгнула, стражники ушли.

— Мастер, это ты? — прошептал Бомми старику.

– Тихо! – голос старого узника потерял глумливые нотки. – Захлопни пасть!

Палец застыл в углу камеры. Бомми замолчал, закрыл рот рукой, но над ладонью сверкали глаза, и сам он излучал радостное нетерпение, словно восторженный ребёнок, от поведения которого именно сейчас зависит, попадёт ли он на ярмарку.

– Сядь в угол и засохни до полуночи, – старик шипением отогнал Бомми от решётки, которую тот попробовал потрясти. – Не привлекай внимания.

Палец отошёл в тёмный угол, ожидая развязки происходящей перед ним сцены.

Бомми нехотя сел у самой решётки так, чтобы видеть и камеру, и крохотную часть тюремного коридора.

Принесли еду. В этот раз три порции. Палец жадно съел всё, не разобрав вкуса, и вылизал плошку. Бомми отказался, и старик забрал его ужин.

Наступление полуночи ознаменовалось тихим боем далёкого колокола на ратуше.

Бомми, которого и так уже колотила дрожь от перевозбуждения, вскочил на ноги.

– Что с этим делать, мастер? – Он указал на Пальца. – Удушить?

Старик поднялся на ноги. Невысокий, тощий, словно сутулый подросток.

– Пригласить с собой.

Взгляды старика и Пальца встретились.

– Ты же понимаешь, что про тебя все уже забыли и выйдешь ты отсюда с приговором за первое попавшееся преступление, которое тебе припишут, чтобы отправить в Выземские шахты? Там всегда нужны работники. Гномы и половинчики. Там такие глубокие шахты и такие низкие потолки!

Палец это понимал. Примеров из его прошлой жизни он помнил немало.

– У меня есть работа для полурослика, – продолжил старик. – И я знаю, что ты справишься. Я знаю тебя.

Волосы старика принялись темнеть от корней, словно на макушку ему лили чёрную краску. Борода тоже темнела, и из неё на пол сыпались клочки волос.

Палец отступил на шаг.

Сутулость исчезла; нос, словно он из мягкой глины, под невидимыми руками скульптора менял форму, превращаясь из бугристой картофелины в хищный клюв.

Палец сделал ещё шаг назад, чувствуя, что ноги заплетаются.

Чёрные глаза остановили свой хаотичный бег, а тёмная радужка поблёкла. На Пальца смотрели холодные, почти белые глаза его прежнего хозяина.

– Не ожидал, малыш? – Мастер Шейлом не улыбался. – Я, признаться, тоже. Ты не представляешь, как сложно было делать вид, что не знаю тебя!

Палец отступил ещё, упёрся в холодную стену камеры. Не

будь сейчас позади него стены, он бы пятился и пятился, а потом побежал бы со всех ног.

– Ты всегда был смышлёным парнем. Как ты себя назвал? Палец? Выбирай: ты идёшь с нами, помогаешь сделать одно совсем простое дело и уходишь из Хвантиша с золотом или останешься здесь, в камере, убитым. Свидетели мне не нужны.

Дом стоял где-то на окраине Хвантиша, недалеко от овощных складов. Старый дом, некогда принадлежавший разорившемуся дворянину. На стенах кое-где сохранились портреты дам, которым парни из банды Шейлома, бывшие подельники Пальца, углём подрисовали усы или выпирающие соски.

Деревянная обивка стен служила топливом для костра, который разожгли прямо посреди зала на мраморном полу.

Играли в карты на серебряном подносе, сидя кто на чём. Один громила взгромоздился на детскую лошадь-качалку.

Палец шёл за Шейломом, слушал и вспоминал, как тот схватился за прутья решётки, как приказал заткнуться Бомми, сказал, что его освобождение и так очень дорого встало: взятка прево и дни в сырой камере. Как металлические прутья стали желтеть, рыжеть, а потом рассыпались коричневой ржавой трухой в руках колдуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.